

предприимчивость, то эти силы, даже если они столь враждебны друг другу, обязаны своим существованием исключительно новой северной волне, которая обошла всю Европу своими бурными и плодотворными приливами, которая омывала подножия Кавказа, разбивалась о Геркулесовы Столбы, чтобы исчезнуть только в пустынях Северной Африки» (Rosenberg 1934: 83).

Поэтому основное содержание истории по Розенбергу — не борьба *между* расами, а борьба одной расы (возглавляющей все прочие) против двух разных принципов расового смешения (Mischlung). Но какого рода может быть это арийское «творчество»? Ведь Розенберг не признаёт никакого прогресса — не только научно-технического, но и социального, нравственного или какого иного. Упадок — это да, об упадке он говорит часто и по разным поводам. Но ни единое событие не рассматривается им как путь *вверх*. Для мифологического сознания это естественно: оно консервативно по своей природе, его задача — охранять какую-то существующую форму жизни (какую в данном случае — увидим позже). Поэтому оно знает только одно идеальное состояние, которое либо уже есть, либо когда-то было. Всё остальное для него — упадок.

1.5. «Избранная раса»

Итак, раса, находящаяся в центре внимания автора, — арийская. Термин этот (от санскритского *arya* — благородные) был введён романтиком Ф. Шлегелем в начале XIX в. для обозначения индоевропейских народов. И, как отмечают бретонские кельтологи, основан он на непонимании:

«Расовый критерий встречается так часто в современной Европе на потребу идеологий, по большей части не имеющих ничего общего с индоевропейским наследием, именно потому, что он не поддаётся проверке. Только люди, совершенно несведущие в санскритской и индоевропейской филологии, могут называть германцев “ариями” — термином, который у индоиранцев служил исключительно для обозначения первых трёх каст в противоположность четвёртой и всем остальным, которые не включаются в структуру трехчленной идеологии. Также надо полностью пренебрегать индийской традицией, чтобы воспринимать слово *varna* “цвет” и “каста” в буквальном и конкретном смысле, не учитывая всей символики» (Гюйонварх, Леру 2001: 23).

Последняя фраза — прямое возражение очередному «прозрению» нашего автора: «Varna heißt Kaste, Varna aber heiße auch Farbe» («Варна означает касту, но варна означает также цвет» — Rosenberg 1934: 28). Этот взгляд, вопреки мнению Гюйонварха и Леру, разделял и крупный индийский историк середины XX в. К. М. Паниккар (1961: 23): «Осознание отличия их цвета кожи (первоначальное значение слова “варна” — цвет)...», хотя буквально на следующей странице он объясняет выражение «аварнья» (вневарновые касты, стоящие ниже традиционных варн) как «нецветные» (Паниккар 1961: 24), что само по себе странно. Между тем представление о социальных различиях в цветовом оформлении — весьма распространённое, но совсем в ином смысле. Так, по данным Л. Н. Гумилёва, «древние египтяне, дабы определить, кто есть кто, рисовали негров чёрными, семитов — белыми, ливийцев — коричнево-красными, себя — жёлтыми. И им, очевидно, было понятно, кто нарисован» (Гумилёв 1990: 17).

Е. И. Кычанов (1986: 11) указывает:

«... в китайских кодексах и официальных документах социальная стратификация часто обозначалась термином “сэ”, указывавшим на группу членов общества, объединённых наличием определённых прав или обязанностей. Первоначальное значение слова “сэ” — “цвет”. Эта двойственность его значения и социальное употребление полностью совпадают с древнеиндийским — “варна” и иранским эпохи Сасанидов — “пиштра”, обозначающих сословно-классовую дифференциацию общества».

Эта двойственность значений — «цвет/сорт/статус» — сохранялась в Китае и после времени, которому посвящена монография Е. И. Кычанова (VII—XIII вв.). Так, при монголо-татарах второй разряд граждан — ниже монголов, но выше китайцев — составляли так называемые «сэму», из которых правители охотно набирали квалифицированных помощников. Это были иностранцы разного происхождения — от тибетцев и мусульман до европейцев (в эту категорию, например, попал Марко Поло). Само выражение *сэму* 色目, однако, может переводиться двояко: «с разноцветными глазами» (буквально) или «разносортные, разнородные» (поскольку *му* 目 может переводиться и как «глаз» — исходное значение, — и как «род, сорт, вид»). Следует учесть, что до вавилонского смешения татаро-монгольской империи население Китая не различалось по морфологическому типу — было сплошь монголоидным. Стало быть, понятие «цветов» отдельных социальных категорий именно как цвета кожи вряд ли могло появиться у китайцев. Да и среди толкований символики французского флага одно из самых ранних гласило: синий, белый, красный — дворянство, духовенство, третье сословие. Эти примеры можно было бы умножить.

Однако Розенберг всё же определяет ариев как расу — общность с наследственно закреплёнными чертами, неспособными меняться. Но это значит, что такая общность должна была появиться сразу и в законченном виде. Отсюда вытекает и крайний миграционизм: культуры не могут развиваться, они лишь переносятся с места на место (вполне по Л. Фробениусу, у которого, по ироническому выражению С. А. Токарева, человек был не «носителем», а «носильщиком культуры»²¹) и лишь деформируются под влиянием чуждого окружения. Вот только где и когда появились индоевропейцы? Ведь на этот вопрос и современная наука не готова ответить, хотя за последние десятилетия она накопила огромную массу новых фактов на этот счёт.

Цель автора — доказать, что подлинные потомки древних арийцев — германцы, ещё лучше — конкретно немцы. Поэтому арийская раса у него — ещё и «нордическая» (северная): когда этот термин появился, он обозначал Северную Европу, в противоположность Средиземноморью — ареалу греко-римского наследия. Но самые ранние германские памятники (ясторфской культуры) известны лишь со II в. до н. э., и выглядят они достаточно блёкло на фоне блестящей культуры соседей: кельтов (латенская культура) и тем более римлян и греков. Здесь нет даже керамики, выполненной на гончарном кругу, она вылеплена от руки. Образ жизни этих древних германских племён, описанный Цезарем, а затем Тацитом, тоже даёт мало поводов для национальной гордости.

Логика учёного в такой ситуации: если факты не подтверждают теорию, значит, теория неверна. Логика идеолога и мифолога: значит, нужно что-нибудь ещё, кроме фактов. Например, произвольные допущения в сфере, где в обозримом буду-

²¹ Немецкое слово Kulturträger допускает оба варианта перевода.

щем невозможна проверка. Раз арийская раса в требуемом виде не могла сложиться нигде в реальном мире, значит, остаётся мир гипотетический и мифический, мир ретроутопии.

Поэтому уже на с. 24 появляется неизбежная Атлантида — континент, о котором неизвестно ничего и которому поэтому можно голословно приписывать всё, что захочется. Правда, уже через три страницы она превращается в землю гипербореев и дальше в основном так и упоминается. А Павел Глоба, пересказывая тот же миф (без ссылки на источник, что и понятно), даёт гипотетической стране уже третье имя — Арктида.

Эта Атлантида-Арктида-Гиперборея резко сдвинута к северу (её «остатки» — Гренландия и Исландия), и именно такой прародиной объясняется происхождение индоевропейских солярных мифов: «потому что восход солнца должен был переживаться как космическое переживание высшей интенсивности именно на высоком Севере» (Rosenberg 1934: 25). Три вырванных из контекста цитаты — одна из Авесты и две из Махабхараты, без чёткой ссылки, — должны, по мысли автора, указать на воспоминание о крае, где день и ночь длятся по полгода.

Однако такое бывает только на полюсе, где слишком холодно даже для предполагаемых исполинов духа. Иногда предлагалось объяснение: дальше (Rosenberg 1934: 24) говорится, что такое было возможно потому, что полюса Земли не находятся на одном и том же месте. Но, во-первых, прецессия земной оси (насколько известно из любой серьёзной астрономической работы на эту тему) не столь велика, чтобы Северный полюс в историческое или хотя бы преисторическое время мог находиться, допустим, на материке Северной Америки. А чтобы высокая Арктика могла стать не то что колыбелью какой угодно цивилизации, но и вообще пригодной для жизни, нужно не меньшее смещение земной оси. А во-вторых, если *в то время там не было полюса, то не было и полярных ночей!*

Нигде археология не свидетельствует о миграциях крупных масс населения с Крайнего Севера. Напротив, все его современные народы — потомки пришельцев из более южных широт, отгеснённые в эти тяжелейшие условия более удачливыми соседями. Уж на что, кажется, показателен пример германцев, но и их древнейшие памятники обнаруживаются всё-таки не в Заполярье, а в Северо-западной Германии и Дании (культура Ясторф), и даже в эпоху викингов зона их расселения не достигает Полярного круга.

К тому же современная биология и физическая антропология уже умеют различать признаки того, в каких ландшафтах сложилась та или иная популяция. Так, для видов, сложившихся в тропиках (в том числе для *Homo sapiens*, древнейшие на сегодняшний день останки которого найдены в Эфиопии), характерны грацильность (стройность фигуры), малая толщина стенок трубчатых костей, относительно длинные конечности (по сравнению с туловищем). Виды же, сложившиеся в холодных зонах, отличаются массивным сложением, более короткими пропорциями и в среднем более низким ростом, массивными костями и сочленениями — это связано с потребностью уменьшить теплообмен. Таким и был «дублёр рода человеческого» — *Homo neanderthalensis*, в эпоху своего расцвета занимавший приледниковые зоны Европы и Центральной Азии и нигде не проникавший на юг дальше Палестины. Правда, он был долихоцефалом — и с этой точки зрения «истинным арийцем». Однако последний, как известно, должен быть ещё и «высок, строен, бе-

локур». Насчёт белокурости неизвестно, но по телесным пропорциям неандертальцы настолько отличаются от этой картины, что Р. Вирхов, как известно, принял череп из Неандертала за останки больного рахитом казака, отбившегося от русской армии в 1813 году (Колчинский 2007: 116; Клейн: В печати, XI,2²²). Более того, у современных народов Крайнего Севера пропорции тела приближаются к неандертальским — и не в силу генетического родства, а в силу тех же потребностей теплообмена, под влиянием холодного климата²³. Одним словом, популяция такого физического типа, какими расисты изображают «истинных арийцев», не могла сложиться в высоких широтах. Её место — в Африке, её физический тип — свидетельство «негритянских свойств» — «*Niggertum*», как постоянно пишет автор-нацист, а уроженцы «Арктиды-Гипербореи» могли бы иметь только такие черты, о которых он всегда упоминает с деланным ужасом.

1.6. Ценности «избранной расы»

Когда морализируют добрые, они вызывают отвращение; когда морализируют злые, они вызывают страх.

Ф. Ницше. *Злая мудрость*, 96

Итак, основа различия рас — исповедуемые ими *ценности* (Werte). Это слово не сходит с языка автора с первой до последней страницы. Естественно, он не может не определить, какие именно ценности он считает арийскими. В порядке значимости это:

1. Честь и долг (das Ehre und die Pflicht);
2. Патриархат и культ мужских достоинств;
3. Сохранение чистоты рода;
4. Солярный миф.

Трудно даже сказать при этом, считать ли солярный миф необходимой ценностью в этой системе или случайной деталью картины.

1.6.1. Честь и долг

Основополагающая ценность заявлена со всей чёткостью:

«Так же, как в Двуречье о плодородии и мощи, так же мечтало великое племя в Элладе о красоте и жизнеутверждающем Эросе, так мечтал человек в Индии и на берегах Нила о повиновении [Zucht] и святости, так мечтал германский человек о рае чести и долга» (Rosenberg 1934: 455).

Все важнейшие исторические конфликты — это конфликты между разными мотивами и целями, ради которых действуют люди. Вся 2-я часть 1-й книги — «*Любовь и честь*» (*Liebe und Ehre*) — посвящена борьбе между «германством» и римской церковью. Для последней, как утверждает автор, высшая ценность — любовь, для германцев же — честь.

---

²² Автор выражает глубокую благодарность доктору исторических наук Л. С. Клейну за возможность ознакомиться с его рукописью «*История антропологических учений*», в данное время находящейся в печати, и за любезное разрешение сослаться на эту рукопись ещё до её выхода в свет.

²³ Все физико-антропологические данные в этом абзаце — по лекции Л. Б. Вишняцкого «*Происхождение *H. sapiens* и судьба неандертальцев*», прочитанной в ВАШ (г. Кишинёв) 23.11.2006 г. Подробнее см.: Вишняцкий 2010: 52—53 и далее.